

АЛЕКСАНДР СКИПЕРСКИХ

Ожидание медленной смерти

Провинциальный университет в современной России

О тношения институтов власти и общества с каждым витком исторического времени становятся все более совершенными с точки зрения контроля власти над социальным телом. Нет такого дискурса, который не был бы отмечен и, более того, размечен ею, «разлинован» четкими предписаниями и установлениями. По меткому выражению Р. Барта, «власть гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия»¹. И действительно, власть — бесконечная череда иерархий и порядков. Вместе с тем, как некогда замечал Н. Луман, «принцип иерархии рушится, если приводит к конфликтам, меняющим распределение власти»². Власть не заинтересована в собственном разрушении изнутри и снаружи, поэтому в ее интересах всегда будет фигурировать необходимость создания репрессивного фона, оказывающего давление на любой организм, попавший в сферу, которую она считает своей.

¹ Р. Барт. Избранные работы. М., 1989. С. 547.

² Н. Луман. Власть. Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 83.

Ниже мы попытаемся представить, как один провинциальный университет, декларирующий в своих уставных документах следование своей образовательной и гражданской миссии «в условиях современной цивилизации и демократии», а также задачу «распространения знаний среди населения и повышения его образовательного и культурного уровня»³, по сути дела, становится частью репрессивной системы, одним из ее опричников.

Начнем с замечания о том, что в провинциальных городах университет нередко оказывается одним из самых крупных предприятий; он играет заметную роль в социально-культурном пространстве города, не говоря уже о роли политической (прежде всего — в период избирательных кампаний различных уровней). Соответственно, возникает проблема контроля над университетом как социальным организмом и управления им. При этом значительно повышаются котировки университетской верхушки, претендующей

³ «Устав ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина». Елец, 2011. С. 4.

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович — профессор кафедры философии и молодежной политики Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, доктор политических наук.

Ключевые слова: Россия, провинция, провинциальный университет, высшее образование, наука, интеллектуалы и власть, локальный политический режим, авторитарные практики, социальное тело, традиционализм.

на инкорпорацию в городской правящий класс.

Образование в российской провинции: экономический контекст

Было бы странно, если бы в провинциальном университете отсутствовали репрессивные практики и, наоборот, поддерживались независимое мышление и оригинальность. «Тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила»⁴. Справедливость этого замечания М. Фуко в полной мере прослеживается на примере российского провинциального университета, где коллективное тело подвергается огромной физической нагрузке, пытаясь удовлетворить сигналам, исходящим от университетской администрации. Репрессированное тело вырабатывает знаки, сигнализирующие о собственной подчиненной позиции в отношении власти. Расширение академических горизонтов происходит при сужении возможностей личной свободы, увеличивающей репрессивную отдачу в тело индивида.

Наверняка, практики власти по контролю над социальным телом провинциальных университетов являются достаточно похожими. Дело еще и в схожей рефлексии самих объектов. Нормальной частью университетской жизни стали построения во время различных мероприятий, военные и спортивные парады, исполнение песен и речевок. Некоторые мероприятия вообще не открываются без почетных гостей, ради которых искусственно наполняется актовый зал. В таких случаях

в полной мере раскрывается симулятивный характер образования. Студента могут снять с занятий и в одностороннем порядке изменить его статус, превратив в заинтересованного избирателя, зрителя или посетителя выставки.

На получение реальной образовательной услуги у студента сегодня оказывается все меньше времени. Его занимают в других дискурсах, по сути дела, не имеющих к образованию никакого отношения. И если присутствие студентов на конференциях различных уровней еще можно объяснить общим академическим контекстом, то можно ли подобным образом оправдать снятие целых студенческих групп с занятий ради встречи с кандидатом в депутаты? В такие моменты прекрасно понимаешь, что количество присутствующих в зале есть своеобразное свидетельство лояльности университетской власти тем, кто «заказывает» встречу.

Пространство университета сужается, в нем становится все меньше свободы даже в чисто физическом плане. Так, например, в одном из вузов студентам не рекомендуется пользоваться главной лестницей, потому как она предназначена в первую очередь для университетской администрации и представителей ректората. Переходы из корпуса в корпус зачастую перекрываются, что вынуждает людей преодолевать несколько лишних лестничных маршей и коридоров. Лишение студентов реальной свободы движения внутри университетских стен, создание искусственных блокираторов и, наоборот, перенос дозволенного свыше направления движения за пределы университетской территории (при переходе из корпуса в корпус) лиш-

⁴ М. Фуко. Надзирать и наказывать. Рождения тюрьмы. М, 1999. С. 40.

ний раз подчеркивает ритмичность власти, ее холодную непредсказуемость.

Выставленные в холле кресла становятся не более чем частью декорации — убранства самого холла: они не предназначены для сидения, чем напоминают интерьеры «жилых комнат» в советских мебельных магазинах. Автор помнит свои студенческие годы в одном из старых институтских корпусов — бывшей женской гимназии в Ельце. Тогда очень хотелось преодолеть закрытый вход на чугунные винтовые лестницы и балкон актового зала. Кажется, что лестница для того и предназначена, чтобы совершать рывок вверх, предвкушая расширение возможностей обозрения. Конечно, желание удовлетворить свое любопытство всегда характерно для студенчества, но на этом примере хорошо видно, как дисциплинарная машина блокирует подобное желание.

Студент и преподаватель провинциального вуза на каждом шагу сталкиваются с проявлениями сегрегации. В частности, разделение на элиту и массы подчеркивает существование банкетных залов и специальных столовых, где принимают VIP-делегации и региональный политический истеблишмент. Подобные практики создают огромное количество метафор подчеркнутого разделения: скатерти на столах — отсутствие их, металлические или алюминиевые вилки, наличие кондиционера в банкетном зале и отсутствие такового в пространстве для всех и т. п.

Вуз сегодня выступает как система многочисленных спецификаций; его пространство постоянно разрезается на приватные и публичные зоны, причем каждая новая раз-

делительная линия пролегает там, где этого захочет университетская власть. В частности, на туристической базе отдыха одного из вузов приезд семьи ректора моментально отражается целым комплексом сигналов, адресованных остальным отдыхающим преподавателям. Автору неоднократно приходилось наблюдать, как фактура бутылки для минеральной воды и стакана, которые ставятся перед гостем, моментально превращаются в знаки его статуса. Дополнительной спецификацией, удостоверяющей высокое положение гостя (например, областного чиновника), может стать кружевная салфетка под хрустальным стаканом. Жесткие предписывающие дисциплинарные спецификации в подобных ситуациях растворяются в, казалось бы, обычных практиках, но не могут не регистрироваться университетским коллективом.

Появившаяся практика видеонаблюдения в публичных пространствах вуза также оборачивается значительной нагрузкой на индивида, связывая его постоянной мыслью о «просматриваемости» собственного тела. Таким образом, снижается легитимность самого университета как институции — образовательная миссия симулируется миссией контроля, постоянной фокусировки и наблюдения. Свобода же индивида оказывается крайне ограниченной. Наоборот, этот индивид обязан улавливать вектор политических пристрастий ректората и пытаться вписываться в него. Может показаться, что мы имеем дело с нормальной практикой российских университетов, когда студенты ездят на яблоки, занимаются мытьем окон и уборкой скверов, чистят снег и переносят книги в библиотеках.

На самом деле в ускользании из аудиторий есть что-то симптоматичное. Эти симптомы характеризуют неспособность правящей элиты превозмочь искушение эксплуатации индивида в рамках односторонне понятой экономической целесообразности. У человека изначально существует потребность в труде, физических действиях, в постоянном подтверждении своих навыков. Об этом однажды замечательно высказался Ж. Бодрийяр, заметивший, что человек живет необходимостью труда, «этой обреченностью на производство, этим таинством труда, которым он пронизан насквозь как полом»⁵. И вот власть схватывает эту онтологическую потребность, отдавая ей предпочтение в сравнении с расширением образовательных горизонтов. Симуляция современного образования как раз и заключается в его фактическом вытеснении какими-либо иными практиками, абсолютно не связанными с образовательным дискурсом.

Соответственно, де-факто университет утрачивает свою образовательную миссию, превращаясь в своеобразную площадку для приложения физических сил коллектива. Учитывая нарастающий дефицит трудовых ресурсов в провинции, эксперименты с телом (в том, что касается его физического использования), на наш взгляд, будут только умножаться. К тому же тело индивида находится еще и в постоянных рамках политической экономии. А потому власть без зазрения совести готова оказывать на него необходимую ей нагрузку.

Подчеркнутая строгость «дисциплинарности» сказывается и на отношении к студентам, обучающимся на платной основе. Казалось бы, этот контингент должен быть освобожден от физического принуждения, потому как является заказчиком, по сути дела, «нанимая» университетскую машину для осуществления образовательной услуги. На деле, однако, оплативший свое образование студент, вместо получения необходимого минимума, все реже проводит время в аудитории.

Низкая степень экономической свободы оказывается одним из объяснений подчиненного положения индивида. Во многом именно отсутствие равных стартовых возможностей в диалоге с властью лишает последнюю благоприятных перспектив для утверждения консенсуса и определения взаимовыгодных «правил игры».

Значительно усиливают репрессивное воздействие такие факторы, как неукорененность человека в бытии и беззащитность перед лицом власти⁶. Большинство сегодняшних студентов и преподавателей в провинциальных университетах сталкиваются с многочисленными проблемами бытового характера, что неизбежно создает ситуацию психологического дискомфорта. Так, очень многие студенты приезжают из ближайших райцентров и сел и живут на съемных квартирах либо в общежитии. Очень многие вынуждены работать, чтобы оплачивать жизнь в городе (пусть и провинциальном, но более привлекательном с точки зрения досугового меню и коммуникаций). Примени-

⁵ Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. М., 2009. С. 60.

⁶ См. И. Г. Яковенко. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 34.

тельно к преподавателям следует подчеркнуть, что они также находятся в состоянии экономической несвободы — неукорененности в бытии. Приезжие профессора вместе со своими семьями могут жить в студенческих общежитиях, ежедневно испытывая бытовые проблемы. Порой эти проблемы становятся

Говоря о преподавателях, следует подчеркнуть, что они также находятся в состоянии экономической несвободы — неукорененности в бытии.

настолько серьезными, что вынуждают некоторых профессоров покинуть провинцию. В частности, ЕГУ им. И. А. Бунина именно по этой причине за последние два года «потерял» несколько профессоров.

Контроль над внутренней политикой вуза позволяет местной правящей элите практически в одиночку формировать уровень экономического довольствия сотрудника, его бюджет. Университетская власть формирует даже бюджет целых семей, потому как в российской провинции, сбросившей с себя напор индустриального времени, существует серьезная проблема трудоустройства. Постиндустриальный контекст в современной российской провинции выражен слабо, поэтому в подобных условиях спасительными учреждениями и предприятиями оказываются те, что принадлежат к бюджетной сфере.

Провинциальные институты и университеты — хронотопы целых семей и даже поколений. Помогая в трудоустройстве члена семьи, власть

захватывает субъекта просьбы «железными рукавицами», обязывая его перед университетом практически на неограниченное время. Новый экономический формат провинциального бытия, о котором говорилось выше, когда наиболее престижными для трудоустройства являются предприятия бюджетной сферы (чего не было в начале 1990-х годов), создает уникальную ситуацию для расширения влияния университета в провинции. Университет медленно вонзается в муниципальное городское тело, оставляя на нем

следы своего присутствия. Применительно к ситуации в Ельце это не может не быть заметным. У ЕГУ им. И. А. Бунина 16 корпусов, автопарк, подсобное хозяйство, несколько тысяч членов трудового коллектива. Вуз представлен практически во всех сферах, где в небольшом городе можно зарабатывать деньги, тем более когда актуализируется вопрос практического «выхода» образовательной миссии университета. Это требует управления и управляемости, равно как и предполагает расширение количества трудовых ресурсов, необходимых для обслуживания как федеральных университетских активов, так и его собственных.

Следует согласиться с некоторыми авторами, считающими, что истоки подобных ситуаций скрываются в традиционалистских схемах, определяющих социально-политические и культурные практики. При этом правом решающего голоса наделяется вовсе не конкретный субъект — начальник, директор или хозяин. Нередко определяющей ока-

зывается воля субъекта репрессии более высокого порядка — самой культуры, которая устанавливает поведенческие нормы, позволяющие жестко пресекать поведение нарушителей, ставящих под сомнение культурные ценности, доминирующие в обществе.

Провинциальный университетский мир нельзя поколебать, решившись на нечто непостижимое и дерзкое. В большинстве своем скупающий преподаватель и аспирант выбирают соглашательство, что обеспечивает им выживание в репрессивной среде. Экономическое положение начинает все более тесно увязываться с непосредственной политической лояльностью. Распределение из внебюджетного фонда согласовывается с профессиональной историей каждого сотрудника, где политическая лояльность и личная преданность оказываются едва ли не решающими критериями получения бонусов от руководства.

Создание подобных экономических рамок, разумеется, дополнительным образом разрезает коллектив, делит его на лояльных сотрудников, у которых возникают дополнительные стимулы для беззаветного служения, и остальных работников, понимающих, что необходимо не высовываться, не проявлять себя, а тихо и спокойно работать, чтобы получать свой минимум. То же самое можно сказать и про участие преподавателей вуза в грантовых схемах, присвоение стипендий и социальную поддержку по линии профсоюзов, полностью поставленную под контроль администрации.

Нет необходимости говорить о том, что пребывание в условиях экономической несвободы лишает интеллектуала свободы поведения.

Относительно же независимое позиционирование — работа по совместительству, определенная личная популярность в научном сообществе и т. п., — вызывает раздражение. В современной российской провинции трудно демонстрировать оппозиционные взгляды. Это угрожает моментальным вытеснением индивида из эпицентра различного рода предпочтений. Наоборот, самосохранение для университетского преподавателя все более заключается в беспрекословной поддержке инициатив власти, в том числе никак не связанной с образовательным дискурсом. Это неудивительно, потому как в провинциальных вузах уже давно «существуют предпосылки для ограничения заманчивой для интеллектуалов свободы выражения»⁷.

Выражение означает говорение — поэтому несвобода выражения означает затруднение вербальной объективации. Университетская власть бдительно охраняет информационное пространство вуза. Контроль над риторическим дискурсом может справедливо рассматриваться как одна из концепций власти. Действительно, власть проявляет себя через говорение в тот момент, когда вещает сама, равно как и тогда, когда вызывает говорение в «Другом». Справедливость изложенной гипотезы легко проверяется в холлах провинциального вуза, где уже вряд ли можно услышать привычный студенческий шум. Студентов становится меньше — равно как и времени, позволяющего им соединяться в радостной говорливой полифонии.

⁷ А. Скиперских. Вызовы провинциального протеста. — «Свободная Мысль». 2011. № 12. С. 47.

Ограничения, накладываемые на риторический дискурс, проявляются и в целом ряде других ситуаций. В частности, невыразимо скучными стали студенческие праздники, во время которых табуируются пародии на университетскую власть; показательна и практика проверки тех преподавателей, которые отмечались независимым мышлением и демонстрацией своего гражданского «я».

Интеллектуал, обладающий независимым мышлением, не может спокойно взирать на подобные ограничения. Однако в российской провинции не принято выделяться чересчур яркими политическими декларациями. Репрессивное давление настолько сильно, что кажется, вот-вот сбудутся слова Р. Дарендорфа «интеллектуалы могут оказаться на одной стороне»⁸. Соответственно, большинство выбирает молчание, что в полной мере соотносится с одной из исторически объективных черт российской культуры. По меткому наблюдению И. Берлина, в России на протяжении веков формировалась ситуация, когда интерпретации и анализ политической реальности со стороны мыслящих людей не только не интересовали режим, но и вызывали в нем тревогу и подозрительность. Дискуссии практически никогда не оптимизировались, что ограничивало возможность говорения и обсуждения насущных проблем⁹.

Подобные условия определяют формирование доминирующего типа преподавателя — экономически за-

висимого, молчаливого, услужливого, терпеливого, лишенного академического авантюризма и гражданской «самости». В современном российском провинциальном университете сегодня в дефиците молодые преподаватели, личностный рост которых пришелся на относительно демократический период новейшей истории России. Отсутствие возможностей выражения в провинциальном вузе не позволяет им связывать свое развитие с публичным пространством провинции, с системой провинциального университета.

На наш взгляд, можно говорить о тенденции к деградации университетской элиты, потому как отбор в нее уже не предполагает реальных академических достижений и подтверждения гражданской позиции. Постоянный страх, вызванный осознанием собственной академической неполноценности (у некоторых преподавателей нет ни одной публикации в периодических изданиях, входящих в перечень ВАК!), порождает какую-то особую преданность руководству вуза. Однако именно сервильно настроенная часть университетского коллектива и оказывается наиболее востребованной руководством. «В стратегической перспективе высокий уровень репрессии ведет к деградации элиты. Одних уничтожают, других заставляют замолчать, третьих покупают, четвертые сами толпятся в прихожей тирана, предлагая свои услуги. Негативный отбор последовательно ведет к снижению качества элитного слоя. С точки зрения власти элита очищается от смутьянов, но объективно такое очищение оборачивается деградацией всего общества, снижением конкурентного потенциала, запускает движение по нисходящей

⁸ Р. Дарендорф. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением. — «Полис». 1997. № 6. С. 5.

⁹ См. И. Берлин. Молчание в русской культуре. — «История свободы. Россия». Предисл. А. Этгинда. М., 2001.

ветви развития», — отмечает российский философ И. Яковенко¹⁰.

Развитие университета в российской провинции сегодня — это развитие в условиях авторитарного режима. При нем поддерживаются вертикальные, командно-административные схемы управления, что негативно отражается на состоянии университетского организма. Репрессалии бьют по университетскому организму сразу из нескольких источников, и каждый выделяет авторитарную энергию. Соответственно, перспективы развития университета в направлении расширения академических и гражданских свобод практически отсутствуют. Из университетов «убирают» инакомыслящих преподавателей, независимое и оригинальное мышление не приветствуется, образовательное «меню» для студентов не представляется адекватным новым образовательным стандартам и непосредственной гражданской и культурной миссии университета. Тем самым наносится серьезный удар по публичному пространству вуза.

Вузы в российской провинции сегодня захвачены разворотливыми дельцами от образования, нередко становятся прибежищем целых семей, внедренных в управление и занимающих ключевые командные позиции. Такая конъюнктура оказывается губительной для публичного пространства вуза: публичное полностью или почти полностью вытесняется частным. Доминирование частных, узкоэгоистических интересов приводит к удушению классической университетской атмосферы. Господствует то самое «обезжизнива-

ние» публичности, о котором говорит О. Паченков¹¹.

В российской провинции люди долго и мучительно привыкают к новой реальности, к реформам, поэтому обретенный ими покой достигается с помощью огромных психологических и физических затрат. В итоге абсолютно и повсеместно доминирует тип интеллектуала, выступающего телохранителем системы и защищающего систему и себя в ней от любых вызовов. Между тем, по меткому замечанию У. Эко, «интеллектуалы не должны справляться с кризисами, интеллектуалы должны устраивать кризисы»¹². И если университет все еще склонен позиционировать себя как центр свободы, демократии, то в таком случае где, как не в университете, появляться кризисам?

В общем, наши прогнозы не грешат чрезмерным оптимизмом. Мы предрекаем в российской провинции медленную смерть самой университетской конструкции, потому как уже на протяжении целого ряда лет университет утрачивает свои элементарные признаки, и прежде всего — независимый интеллектуальный потенциал. Высокий уровень репрессивных практик в современном провинциальном университете и конкретно в Ельце не может позитивно сказываться на его развитии.

Конечно, высказанная позиция вызовет споры. «Снятие репрес-

¹⁰ И. Г. Яковенко. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. С. 159.

¹¹ См. О. Паченков. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью». — «Неприкосновенный запас». 2012. № 117.

¹² У. Эко. Полный назад. Пер. с итал. Е. Костюкович. М., 2007. С. 124.

сии демобилизует, порождает вакуум смысла», — скажут наши оппоненты¹³. Но разве не очевидно, что только свободный субъект, не скованный чувством страха, может породить качественный и симпатичный текст, освобожденный от репрессивных смыслов? И следует ли признать нормальным домини-

рование жестких предписывающих схем, лишаящих субъекта инициативы и обрекающих его либо на соглашательские модели поведения, либо, наоборот, на полуголодное, но гордое позиционирование в провинциальном ландшафте? Ответ на эти вопросы представляется риторическим. ◆

¹³ И. Г. Яковенко. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. С. 103.